

Woman in Russian Society
2018. No. 1 (86). P. 99—105
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.9

Женщина в российском обществе
2018. № 1 (86). С. 99—105
ББК 63.529(253)
DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.9

**ВЗАИМОПОМОЩЬ В РАЗЛИЧНЫХ ЖИЗНЕННЫХ
СИТУАЦИЯХ У СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯНОК
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.**

Е. Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии, Сибирское отделение, Российская академия наук,
г. Новосибирск, Россия, mfl1@mail.ru

Ставится задача раскрыть вопросы взаимопомощи и взаимовыручки женщин в моменты сложных жизненных ситуаций (преодоление трудностей, связанных с запретом родителей выйти замуж по любви, тяжелые жизненные обстоятельства) на основе историй, собранных во время полевых этнографических работ в разных районах Сибири (англ. *case study method*). По времени событийности эти рассказы или записи в виде интервью, дневников, воспоминаний относятся к первой трети XX в., т. е. к периоду, предшествующему государственному реформированию образа жизни российской, и в конкретном случае сибирской, деревни в 1930-х гг.

Ключевые слова: женская взаимопомощь, жизненные истории, case study method, сибирская деревня, тяжелые жизненные обстоятельства.

**MUTUAL ASSISTANCE IN VARIOUS LIFE SITUATIONS
OF SIBERIAN PEASANT WOMEN
OF THE FIRST THIRD OF THE XX c.**

E. F. Fursova

Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, mfl1@mail.ru

The author sets the task of revealing the issues of mutual assistance of women in times of difficult life situations (difficulties associated with the parents prohibition of marrying for love, cases of difficult life circumstances) based on the stories collected during field ethnographic work in different regions of Siberia (using case study method). Timewise these stories or records (interviews, memoirs) refer to the first third of the XX c., before the period of state reform of the way of life of the Russian and, in a particular case, Siberian village in the 1930s.

The family atmosphere in the Siberian families was supported by traditional rules of behavior and decency, largely determined by the Orthodox faith. The mechanism of mutual aid was clearly manifested in relation to children left without parental care, as well as to the elderly. Such people were taken to the family for maintenance and the main burden was placed on the female staff, as the participation in the fate of orphans was mainly for young and old women. The study showed that Siberian peasant women, being in economic, psychological and other dependencies from men throughout their lives, developed traditions of mutual assistance and mutual support in difficult life situations. The forms of women's mutual assistance were diverse and covered many aspects of everyday culture.

Key words: women's mutual aid, life stories, case study method, Siberian village, difficult life circumstances.

Взаимопомощь женщин в хозяйственной и обрядовой жизни, совместные работы по обработке льна (посиделки), заготовке капусты, приготовлению приданого и прочему уже достаточно полно освещены в этнографической литературе¹. Коллективные работы — помочи (от слова «помощь») поочередно проводились разными домохозяевами с приглашением родственниц, соседок. Во время таких работ женщины имели возможность не только обменяться навыками трудовых практик, но и узнать деревенские новости, наладить дружеские отношения. Именно в процессе трудовых будней и праздников зарождались связи, скреплявшие дружеское сообщество женщин, готовых прийти на помощь друг другу в трудную минуту.

Несмотря на то что в вопросе выбора брачного партнера решающее слово было за родителями молодых, в начале XX в., и особенно в 1920-х гг., самовольный переезд девушки в дом жениха не являлся редкостью, и такой вид оформления брака назывался убогом [Васеха, 2016: 322]. Вот здесь-то и проявляла себя в полной мере женская взаимовыручка, основанная на желании помочь влюбленной молодой паре создать союз. Изворотливость и изобретательность, поистине сценический артистизм помощниц содействовали преодолению запретов родителей. Приведем пример такой истории о заключении неравного с экономической точки зрения брака в д. Веселовка Карасукской волости Барнаульского уезда Томской губернии, где народная память сохранила историю кражи «бедным Андреем» дочери «богатого кулака» Паши. В этой истории все показательно: от выраженной специфики социальных и семейных отношений, характерных для украинских переселенцев Сибири, до вскрытия внутреннего конфликта патриархальных традиций с мировосприятием нового поколения. Случай этот, видимо, настолько потряс кулундинскую деревню², что был записан местным библиотекарем В. Н. Свириденко в своих воспоминаниях³.

¹ Особая форма взаимной привязанности, возникавшая в результате троичных «кумлений» — обрядовых действий, после которых девушки на всю жизнь оказывались подругами, заслуживает отдельного рассмотрения.

² Местность, где произошла история, расположена в районе Кулундинской степи.

³ Рукопись В. Н. Свириденко хранится в краеведческом музее Краснозерского района Новосибирской области [Фурсова, Васеха, 2004: 94—105].

Дочь богатого кулака Паша любила бедного Андрея. Оба они знали, что отец Паши не отдаст ее замуж за Андрея. Он не отдаст в бедную и большую семью (8 человек) при том, что недавно у них умерла мать и осталось семеро детей — один другого меньше. Андрей был старший из детей, и ему нужно было жениться, чтобы привести хозяйку в дом. У Паши мать была неродная, но очень добрая, славная женщина. Паша управлялась с овцами. Летом она пасла, а зимой жила в степи в избушке, где были загоны для овец. Она их здесь кормила и поила, а домой приезжала только на большие праздники. С Андреем они договорились в эту зиму пожениться.

Девушка, видимо, неслучайно обратилась за помощью к мачехе, так как интуитивно чувствовала ее одобрение и надеялась на поддержку. Мачеха, женщина с житейским опытом, придумала, каким образом можно скрыться от грозного отца.

Приехав в очередной раз на праздник, Паша откровенно поделилась своими планами с мачехой. Рассказала, что они с Андреем любят друг друга, что у Андрея большие трудности в семье, но она дала все же согласие выйти за него замуж. Но без согласия отца в это время в церкви не венчали, то есть поп такой брак юридически не оформлял, что считалось большим грехом. Паша и обратилась за советом к мачехе: «Мама, а можно мне убежать с ним? Потом, когда тятя отсердится и даст согласие на венчание, помириться?» Так и решили. Мачеха вынула из сундука две парочки кашемировых (юбка с кофтой. — *Е. Ф.*) и посоветовала надеть их на себя и идти на праздник. А после убежать к нему в дом. Паша так и поступила. После гулянья ушла к Андрею.

Далее события разворачивались таким образом, что отец девушки обманом вернул ее в свой дом, нещадно избил, раздел и длительное время никуда не пускал. Впоследствии Пашу отвезли на далекую заимку за 10 км от дома и там оставили одну зимовать со скотом до Пасхи. На Пасху отец привез ее домой, но строго держал взаперти. В эту историю вмешалась младшая сводная сестра девушки, дочь мачехи.

В их семье была младшая сводная сестра Ира. Она вела переговоры между Пашей и Андреем. Паша передала ему, что после Пасхи уговорит отца отпустить ее на вечер к подружкам погулять, а когда придет на гулянье, то они с Андреем убегут совсем из этого села.

Хотя в начале XX в. новых веяний в сибирской глубинке практически еще не ощущалось, молодые проявили своеволие и все же решили настаивать на своем. Возможно, что в старожильческой или старообрядческой среде при столь обостренном развитии ситуации парень отступил бы и не пошел поперек воли родителей. Однако здесь все случилось по-другому.

Отец разрешил Паше пойти к подружкам погулять, но только на один вечер и в сопровождении Иры. Но новой одежды надевать не разрешил: «В старом ты больше не вздумаешь убежать к жениху». Паша согласилась. И опять ей помогла мачеха. Она посоветовала под низ надеть новую парочку, а наверх — старую. Паша оделась и ушла.

Как в остросюжетном фильме, стремительно менялись события: молодые убегали к родственникам в далеко расположенное с. Палецкое, друзья выставили

охрану от вооруженного вилами отца с сыновьями. Только спустя три месяца Андрей нашел возможным сообщить отцу в Веселовку, где они находятся. Вернуться в свое родное село он так и не решился, лишь спустя определенное время к молодым приезжали родители невесты и помирились с ними. В этой были нашли отражение нравы сибирско-украинской деревни в 1916—1917 гг., т. е. накануне реформ семьи и брака, проведенных молодым государством Страны Советов. Интересно, что чутье не подвело женщин, брак по любви Паши и Андрея оказался счастливым, хотя молодым и пришлось претерпеть много испытаний на пути к нему.

Понять суть этой истории трудно без знания представлений о девичьей чести, являющихся ключевыми не только в дворянском, но и крестьянском этосе [Лисицына, Пушкарева, 2015: 76]. На весы людского суда были положены как личная честь девушки, так и честь всего ее рода. Именно эти традиционные представления следует учитывать, чтобы объяснить агрессию отца и его сыновей.

Женская взаимопомощь могла проявляться и в весьма неожиданных формах, приведем пример также из области семейно-брачных отношений, но уже в старообрядческой среде. Родин Иванович Опарин, потомственный старообрядец поморского согласия из д. Осиново Плесо Новокузнецкого района Кемеровской области, в своих воспоминаниях писал о женитьбе в 1922 г. на знакомой девушке. Невесту Валентину Ивановну присоветовали ему родители, которые, однако, учитывали при этом и желание сына. Так как девушка по происхождению была из семьи никониан, т. е. сторонников официальной православной церкви, то ей пришлось перекрещиваться. Приведем авторский текст:

Привезли невесту к нам в дом. Невеста Валентина Ивановна стала готовиться к крещению, надо было положить сорок тысяч поклонов. С моей стороны моя мама молилась, бабушка и другие. За две недели епитимью выполнили с невестой: сорок тысяч поклонов положили.

В рассказе обращает на себя внимание огромное количество земных поклонов и готовность женщин помочь будущей снохе и невестке побыстрее их выполнить, разделив таким образом с ней епитимью. В одиночестве Валентина Ивановна вряд ли бы управилась с подобным и за год [Фурсова, 2002: 108].

Нередко в семьях проживали несколько сыновей, которые в процессе заключения браков приводили в дом новых женщин. Мария Николаевна Сидорова из пос. Тогучин Новосибирской области вспоминала, как у них в семье женили шестерых ее братьев, а трех сестер выдавали замуж⁴. Вновь пришедшим в семью снохам уделяли особое внимание, старались не перегружать их обязанностями, хотя и не освобождали от общей работы. В отличие от традиций Европейской России, где домашние женские дела распределялись на основе принципа «деньщиц» (дежурных) по конкретным дням недели, в сибирских селах ежедневные работы женскому составу семьи поручала старшая по возрасту женщина. Обычно роль распорядительницы играла жена хозяина дома или его вдова, которая для остальных женщин являлась матерью или свекровью. Рано утром дочерям

⁴ Сидорова (Соловьева) Мария Николаевна родилась в д. Стегляновка Алтайского края в 1920 г. (полевые материалы автора, 2003 г.).

и невесткам старшая хозяйка раздавала поручения по выполнению основных работ по дому (топить печь, готовить еду, заниматься с детьми, доить коров и пр.). Некоторые виды работ, например такие как прядение, ткачество, исполнялись всем женским составом в любое время года (за исключением летнего периода, когда все силы были брошены на выращивание урожая). Рожденные в дореволюционное время женщины с благодарностью вспоминали, что навыкам выполнения домашних работ и ведению хозяйства их научили свекровь или бабушка мужа, старшие невестки.

Семейная атмосфера поддерживалась традиционными правилами поведения и приличия, во многом определявшимися православным вероисповеданием. Механизм взаимовыручки отчетливо проявлялся в отношении к детям, оставшимся без попечения родителей. Таких детей брали в семьи на содержание, при этом главная нагрузка ложилась на плечи женского состава, так как участвовать в судьбе сирот приходилось в основном молодым и пожилым женщинам.

В детстве бабушка была безродная, они сибиряки. Раньше детских домов не было, и ее воспитывали всем селом Енисейским⁵. У одного жила, у другого жила. В каждой семье какое-то время этот ребенок жил. Такой обычай был⁶.

Аналогичным образом односельчане принимали в свои семьи пожилых женщин, у которых не было родственников. Так, информанты вспоминали, что испокон века у них, старообрядцев-часовенных на р. Терсь в д. Осиново Плесо, в домах проживали престарелые люди. Современная жительница деревни Мария Павловна Кушова до сих пор периодически приглашает в дом немощных, как правило, парализованных старушек и выхаживает их до самой смерти.

Важно подчеркнуть, что взаимопомощь в общем крестьянском труде стирала психофизиологические противоречия членов семьи, у которых была единая цель трудиться на общее благо и соблюдать близкие традиции православного воспитания. Без проявления сострадания и милости невозможно представить, как сложилась бы судьба сотен тысяч обездоленных женщин и детей, оставшихся без отцов-кормильцев, без жилья, осиротевших в Гражданскую войну и в результате политики так называемого раскулачивания (сейчас больше употребляется термин «раскрестьянивание»). Женщинам с детьми и нередко с престарелыми бабушками приходилось ходить по дворам и просить милостыню. Приведем в качестве примера отрывок из рукописи «Мои воспоминания» М. С. Усольцевой из с. Белое Чернокурьянского района Славгородского округа Сибирского края⁷. После Гражданской войны и смерти отца семья М. С. Усольцевой осталась в составе бабушки (свекровь), беременной матери, четырех малых детей. В ходе коллективизации, когда у этой семьи отняли в общее пользование единственную кормилицу — корову, весной начался настоящий голод, к этому добавился тиф, унесший жизни двух старших братьев и одного младшего.

⁵ Сростинная волость Бийского уезда (сейчас Бийский район Алтайского края).

⁶ Загайнова Мария Яковлевна, около 1927 года рождения, с. Маслянино Новосибирской области. Потомок коренных сибиряков-«чалдонов» (полевые материалы автора, 1994 г.).

⁷ Сегодня это Карасукский район Новосибирской области. Рукопись 1966—1967 гг. хранится в беловском краеведческом школьном музее. Копия рукописи находится у автора (полевые материалы автора, 2004 г., РЗ 26, л. 11).

...Мать ездила по токам собирать всякие отходы, толкла лебеду. Ходили весной собирали старые колоски на непаханой земле и ели такие черные лепешки... потом пошла зелень, конский щавель... И вдруг заболела тифом мать... обрушились на нас новые беды. Бабушка сперва побиралась в своей деревне, но кто подаст? Хлеб был только у учителей, да коммунарам немного давали. Мать сперва лежала без памяти в бреду на земляном полу, потом, недели через три, стала просить чего-нибудь поесть. Сначала я плакала, что мать умрет, а когда увидела, что болезнь прошла, стала думать, чем ее кормить. Просить милостыню было очень стыдно, я никогда не ходила — все бабушка...

В «Моих воспоминаниях» повествуется, как бабушка самоотверженно уезжала в другие, в том числе отдаленные, деревни к родне и знакомым с целью «побираться». Как пишет М. С. Усольцева, она после долгих раздумий решила написать письмо двум сестрам матери, которые проживали в замужестве в Нижнекаргатском районе Барабинского округа Сибирского края⁸. Довольно скоро две старшие сестры приехали на подводе, привезли некоторые запасы еды. В обратный путь они поехали, захватив с собою бабушку, и к концу лета та собрала в более сытном месте мешок кусочков сухарей и другой еды. Все это она привезла в с. Белое, где в это время девочка чуть старше десяти лет самостоятельно вела хозяйство и ухаживала за больной матерью. Таким образом, бабушка помогла выжить оставшимся в живых внукам и своей снохе.

Исследование методом жизненных историй (case study method) показало, что сибирские крестьянки, находясь на протяжении всей своей жизни в экономической, психологической и прочих зависимостях от мужчин, выработали традиции взаимопомощи, взаимной поддержки в тяжелых жизненных ситуациях. Формы женской взаимопомощи были разнообразны и охватывали многие стороны повседневной культуры. «Подружеские» отношения женщин наблюдались нами также в традиционной обрядности, религиозно-бытовых обычаях, рассмотрение которых требует отдельной работы.

Библиографический список

- Васеха М. В.* Политика внедрения «нового быта» и ее влияние на семейно-брачные отношения в 1920-е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920—1930-х годов. М.: Индрик, 2016. С. 295—338.
- Лисицына О. И., Пушкарева Н. Л.* Представления о женской чести в российской дворянской культуре (конец XVIII — начало XIX в.) // Женщина в российском обществе. 2015. № 2. С. 76—89.
- Фурсова Е. Ф.* История жизни духовного наставника Р. И. Опарина в рукописном собрании моленной старообрядцев-поморцев // Памятники культуры. Новые открытия: письменность. Искусство. Археология: ежегодник 2001. М.: Наука, 2002. С. 90—118.
- Фурсова Е. Ф., Васеха Л. И.* Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX в.: (по материалам Новосибирской области). Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. Ч. 1. 190 с.

⁸ Сегодня Здвинский район Новосибирской области.

References

- Fursova, E. F. (2002) Istoriiia zhizni dukhovnogo nastavnika R. I. Oparina v rukopisnom sobranii mollenoi staroobriadtsev-pomortsev [The story of the life of the spiritual father R. I. Oparin in the hand-written collection of the Old Believer-Pomorians], in: *Pamiatniki kul'tury. Novye otkrytiia: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya: Ezhegodnik 2001*, Moscow: Nauka, pp. 90—118.
- Fursova, E. F., Vasekha, L. I. (2004) *Ocherki traditsionnoi kul'tury ukrainskikh pereselentsev Sibiri XIX — pervoi treti XX v.: (Po materialam Novosibirskoi oblasti)* [Essays on the traditional culture of the Ukrainian immigrants of Siberia XIX — the first third of the XX c.: (Based on materials from the Novosibirsk region)], pt. 1, Novosibirsk: Agro-Sibir'.
- Lisitsyna, O. I., Pushkareva, N. L. (2015) Predstavleniia o zhenskoii chesti v rossiiskoi dvorianskoii kul'ture (konets XVIII — nachalo XIX v.) [Representations of women's honor in the Russian noble culture (the end of the XVIII — early XIX c.)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 76—89.
- Vasekha, M. V. (2016) Politika vnedreniia "novogo bytia" i ee vliianie na semeino-brachnye otnosheniia v 1920-e gody [The policy of introducing a "new way of life" and its impact on family and marriage relations in the 1920s], in: *Traditsionnaia kul'tura russkogo naroda v period 1920—1930-kh godov*, Moscow: Indrik, pp. 295—338.

Статья поступила 20.10.2017 г.

Информация об авторе / Information about the author

Фурсова Елена Федоровна — доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом этнографии, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Россия, mf11@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation).